

В. Ф. Простомолотов

А. И. Простомолотова

УДК: 159.923

© **Простомолотов Валерій Федорович (Україна)** – д.мед.н., професор кафедри клінічної психології, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65058; e-mail: stomolot@onu.edu.ua.

© **Valerii Prostomolotov – (Ukraine) MD, PhD, Professor of the Department of Clinical Psychology, I. I. Mechnikov Odesa National University, 2, Dvorianska Street, Odesa, 65058; e-mail: stomolot@onu.edu.ua.**

© **Простомолотов Валерий Федорович (Украина)** – д.мед.н., профессор кафедры клинической психологии, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, ул. Дворянская, 2, г. Одесса, 65058; e-mail: stomolot@onu.edu.ua.

© **Простомолотова Аліна Іванівна (Україна)** – клінічний психолог, аспірант кафедри клінічної психології, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова, вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65058; e-mail: stomolot@onu.edu.ua.

© **Alina Prostomolotova (Ukraine)** – clinical psychologist, postgraduate student of the Department of Clinical Psychology, I. I. Mechnikov Odesa National University, 2, Dvorianska Street, Odesa, 65058; e-mail: stomolot@onu.edu.ua.

© **Простомолотова Алина Ивановна (Украина)** – клинический психолог, аспирант кафедры клинической психологии, Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, ул. Дворянская, 2, г. Одесса, 65058; e-mail: stomolot@onu.edu.ua.

Том 4, № 8, 2017, стр. 54–62

ТЕМА РЕВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ФИЛОСОФСКИХ ТРУДАХ

THEME OF JEALOUSY IN FICTION AND PHILOSOPHICAL WORKS

Summary. The theme of jealousy is widely represented in fiction in the form of certain episodes (dramatic, tragic, comic ones). Usually the theme of jealousy is simply called in this way by the writers, and further it acts as a psychogenic-stress factor of a neurotic reaction, but in some works jealousy is the main content of masterpieces. Noting the truthfulness of cases in fiction, Leongard wrote: "Great writers are also great psychologists." Taking into account the opinion of the classic psychology, a clinical and psychological analysis of two characters suffering from pathological jealousy was performed: Othello from the same drama by William Shakespeare and Pozdnyshv from L. Tolstoy's novel "Kreutzer Sonata. Simultaneously, based on the materials of the Yasnaya Polyana notes D. Makovitsky, a physician of the Tolstoy family, a clinical and psychological analysis of the personality of the great writer and enlightener suffering from pathological jealousy was carried out.

Key words: jealousy, personality disorder, character accentuation, overvalued and delusional idea.

ТЕМА РЕВНОЩІВ В ХУДОЖНІЙ ЛІТЕРАТУРІ ТА ФІЛОСОФСЬКИХ ПРАЦЯХ

Анотація. Тема ревнощів широко представлена у художній літературі у вигляді тих чи інших її епізодів (драматичних, трагічних, комічних). Зазвичай письменники просто називають цю тему, і далі вона виступає як психогенно-стресовий фактор невротичної реакції. Але в окремих творах ревнощі становлять основний зміст. Відзначаючи правдивість викладених у художній літературі випадків, К. Леонгард писав: «Великі письменники одночасно є і великими психологами». З урахуванням думки класика психології був проведений клініко-психологічний аналіз двох літературних персонажів, які страждали від патологічних ревнощів: Отелло з однойменної драми У. Шекспіра і В. Позднішева з повісті Л. Толстого «Крейцерова соната». Одночасно, ґрунтуючись на матеріалах «Яснополянських записок» Д. Маковицького, лікаря родини Толстих, було проведено клініко-психологічний аналіз особистості великого письменника й просвітника, який страждав від патологічних ревнощів.

Ключові слова: ревнощі, розлад особистості, акцентуація характеру, надцінна і безглузда ідея.

В ревности только одна доля любви и девяносто девять долей самолюбия

Ф. Ларошфуко

Тема ревности достаточно широко представлена в мировой художественной литературе обычно в виде тех или иных ее эпизодов

(драматических, трагических, и даже комических в зависимости от ряда обстоятельств, особенно от жанра и стиля писателя). Например, в «Анне Карениной» в ответ на неприлично легкомысленное поведение гипертимного Стивы Облонского вне семьи, у его жены реактивно развивается истеро-депрессивная

реакция – с этого, собственно, и начинается свой роман Л. Толстой: «Все несчастливые семьи несчастливы по-своему». Обычно в подобных ситуациях тему ревности писатели просто называют, и далее она выступает как психогенно-стрессовый фактор той или иной кратковременной невротической реакции. Только в отдельных произведениях (например, в драме У. Шекспира «Отелло» и повести Л. Толстого «Крейцера соната») ревность составляет основное содержание.

Великие писатели в своих произведениях описывали правдивые, а не придуманные ими истории. Это весьма емко выразил К. Леонгард в монографии «Акцентуированные личности» [1]: «В художественной литературе мы в изобилии находим замечательные описания психологии человека, которые следовало бы уже давно использовать и в нашей науке. Великие писатели одновременно являются и великими психологами. Особенно убедительные результаты дает изучение психологии героев литературных произведений при анализе человека как индивидуальности».

Учитывая это высокое мнение классика психологии и психиатрии о глубоком психологическом проникновении великих писателей в души описываемых ими персонажей, мы провели клинико-психологический анализ двух страдавших от патологической ревности личностей/персонажей выдающихся произведений мировой литературы, совершивших в состоянии аффекта убийство своих жен: Отелло из одноименной драмы У. Шекспира и В. Позднышева из повести Л. Толстого «Крейцера соната». Одновременно, основываясь на мемуарных материалах «Яснополянских записок» Д. Маковицкого [2], личного врача семьи Толстых, мы провели клинико-психологический анализ личности великого писателя и просветителя, гениального художника и мыслителя, протестанта, неутомимого борца и правдоискателя.

«Крейцерову сонату» Л. Толстой написал после «Войны и мира» и других своих крупных произведений, в период борьбы за веру и конфликта со Священным Синодом. Мысли, вложенные в уста дворянина В. Позднышева – ревнивца, в состоянии аффекта убившего свою жену, которую до того много лет мучительно ревновал – повторяют мысли самого Л. Толстого о женщине и мужчине, их отношениях, браке, религии, неоднократно до того озвученные или опубликованные в других, чаще публицистических, работах.

Что касается ревности, то, основываясь на фактах, зафиксированных в «Яснополянских записках» Д. Маковицким, толстовцем, написавшим на основе своих ежедневных записей четыре объемных тома воспоминаний о Л. Толстом и о том, что говорилось и делалось в Ясной Поляне, можно вполне определенно утверждать, что сам великий писатель и просветитель многие годы страдал от тяжелой сверхценной патологической ревности с периодическими обострениями.

«В ночь с 17 на 18 июня 1905 года Софья Андреевна рассказала, что в эту ночь, с 17 на 18 июня, двадцать один год тому назад, – записал Д. Маковицкий, – она родила Сашу (необходимо уточнить, что это были у нее двенадцатые роды. – *Авт.*) Лев Николаевич вечером ей сказал, что не может с ней жить и уходит, надел сумку и ушел. Повивальная бабка была уже в доме. В 6 часов утра вернулся, оказалось, что ушел потому, что ревновал. Через час родила. Решила, что сама не буду кормить и не заботилась о Саше. Возненавидела христианство Льва Николаевича. Он тогда (это было в 1884 году. – *Авт.*) был на распутье, трудно было» [2].

Когда читаешь эти откровенные воспоминания жены Л. Толстого, которого знаешь и почитаешь не только как гениального писателя, но и как образованнейшего, культурнейшего и религиозного человека, берет оторопь. Ведь не пьяница, не примитивный забулдыга ушел из дома, когда любимой жене пришло время рожать в двенадцатый раз. Ушел, приревновав к кому-то. А в семье, кроме новорожденной Саши, к тому времени было уже семь больших детей (старшему, Сергею – 21 год), и все росли в любви друг к другу. Такой поступок возможен только в аффекте слепой патологической ревности у личности с гиперсоциально-эпилептоидным радикалом характера. Мы видим здесь проявление сверхценной идеи ревности, дававшей периодические обострения. В ту ночь Л. Толстой, приревновав жену и разволновавшись, с сумкой ушел из дома, но когда успокоился и под утро вернулся назад, то повел себя адекватно, как и подобает отцу новорожденной. Дочь Александру он очень любил и всецело доверял ей, что особенно проявилось в последние дни его трагически закончившейся жизни [3].

Конституционально Лев Николаевич обладал атлетическим телосложением. Когда он служил офицером, крестился двухпудо-

вой гирей, а после смерти, когда его обмывали, старший сын, Сергей Львович, отметил, сколь мускулисто было тело 82-летнего отца: «Тело мне показалось и сильным и гораздо моложе своих лет» [3].

Высокая эмоциональность и впечатлительность, негибкое упорство и воля, отмеченные многими исследователями и близкими писателя, как и зафиксированные, особенно в последние годы жизни, единичные абсансы, во время которых наблюдались дезориентировка в месте или падение с ушибами [3], также подтверждают, что великий писатель относился к группе гиперсоциальных эпилептоидов.

Исследуемой нами теме посвящены также труды философов и мыслителей, обычно в связи с обсуждением ими проблем отношений полов, брака и семьи. В этом плане большой интерес представляют размышления известных философов о любви мужчины и женщины (телесной и духовной), а также о ее часто назойливой и ядовитой спутнице – ревности, с которых и начнем.

Тема любви и ревности в произведениях Н. Бердяева

Наше внимание привлекла работа Н. Бердяева «Размышление об эроте» [4], в которой содержатся глубокие, иногда противоречивые, но всегда до боли пронзительные мысли русского философа-изгнанника о любви и ревности мужчины и женщины, излагаемые предельно откровенно, ясно, диалектично. Чтобы не быть голословными, приведем фрагмент статьи [4], прокомментировав заключительную часть, в которой известный философ обнажает самые разные стороны и оттенки человеческих переживаний в области физической и душевной любви, а также пишет о страданиях ревности:

«“Что делать?” Чернышевского – художественно бездарное произведение, и в основании у него лежит очень жалкая и беспомощная философия. Но социально и этически я совершенно согласен с Чернышевским и очень почитаю его. Чернышевский свято прав и человечен в своей проповеди свободы человеческих чувств и в своей борьбе против власти ревности в человеческих отношениях. При этом в книге его, столь оклеветанной правыми кругами, есть сильный аскетический элемент и большая чистота. Интересно, что сам Чернышевский, один из лучших русских людей, относился с трогательной, необы-

чайной любовью к своей жене. Его письма с каторги к жене представляют собой документ любви, редко встречающийся в человеческой жизни. У него была свободная любовь и свободная верность жене. У этого нигилиста и утилитариста был настоящий культ вечной женственности, обращенный на конкретную женщину, эрос не отвлеченный, а конкретный. И Чернышевский осмелился восстать против ревности, столь связанной с любовью эротической. Я всегда считал ревность самым отвратительным чувством, рабским и поработочающим. Ревность не соединима со свободой человека. В ревности есть инстинкт собственности и господства, но в состоянии унижения. Нужно признавать права любви и отрицать права ревности, перестав ее идеализировать. Это сделал Чернышевский в прямолинейной и упрощенной форме, не обнаружив никакой утонченной психологии. Ревность есть тирания человека над человеком. Особенно отвратительна женская ревность, превращающая женщину в фурию. В женской любви есть возможность ее превращения в стихию демоническую. Существуют демонические женщины. Они иногда писали мне письма, у них была склонность к астральным романам. Это очень тяжелое явление. Есть несоизмеримость между женской и мужской любовью, несоизмеримость требований и ожиданий. Мужская любовь частична, она не захватывает всего существа. Женская любовь более целостна. Женщина легко делается одержимой. В этом смертельная опасность женской любви. В женской любви есть магия, но она деспотична. И всегда есть несоответствие с идеальным женским образом. Образ женской красоты часто бывает обманчивым. Женщины лживее мужчин, ложь есть самозащита, выработанная историческим бесправием женщины со времен победы патриархата над матриархатом. Но женская любовь может подниматься до необычайной высоты. Таков образ Сольвейг у Ибсена, Вероники у Жуандо. Это любовь, спасающая через верность навеки. Мне всегда казалось, что самое тяжелое и мучительное не неразделенная любовь, как обыкновенно думают, а любовь, которую нельзя разделить. А в большинстве случаев любовь нельзя разделить. Тут примешивается чувство вины. У меня было больше дружеских и близких отношений с женщинами, чем с мужчинами. Мне иногда казалось, может быть иллюзорно, что женщины меня

лучше понимают, чем мужчины. У женщин есть необыкновенная способность порождать иллюзии, быть не такими, каковы они на самом деле. Я мог чувствовать женское очарование. Но у меня не было того, что называют культом вечной женственности и о чем любили говорить в начале XX века, ссылаясь на культ Прекрасной Дамы, на Данте, на Гёте» [4].

К сожалению, размеры журнальной статьи не позволяют продолжить цитирование Н. Бердяева, но и эта небольшая выдержка дает возможность понять, сколь безгранична обсуждаемая тема в контексте как этической и духовной мысли, так и психолого-психиатрического анализа. Если приведенный фрагмент и не исчерпывает воистину безграничной темы любви и ревности, что демонстрирует мировая литература, то в плане настоящей статьи, полагаем, достаточно разносторонне и полно освещает обсуждаемые вопросы. Однако считаем необходимым привести мнение и других выдающихся писателей, философов, ученых с мировым именем, чтобы оценка ревности была более многосторонней и объективной (хотя, признаемся, что объективность в таких сферах, как любовь, и вообще чувства, весьма относительна, т. е., откровенно говоря, субъективна).

Дж. Бруно:

«Ревность потрясает и отравляет все то, что есть красивого и хорошего в любви».

У. Шекспир:

«Ревнивцы не нуждаются в поводе: они часто ревнуют совсем не по поводу, а потому, что ревнивы. <...> Ревность – чудовище, само себя и зачинающее, и рожающее».

М. Сервантес:

«Ревнивцы вечно смотрят в подозрительную трубу, которая вещи малые превращает в большие, карликов – в гигантов, догадки – в истину».

Ф. Ницше:

«Ревность – остроумнейшая страсть и, тем не менее, еще и величайшая глупость».

М. Ю. Лермонтов:

«Все ясно в ревности – а доказательств нет!»

Д. Дидро:

«Ревность – это страсть убогого скаредного животного, боящегося потери; это чувство, недостойное человека, плод наших гнилых нравов и права собственности, распространенного на чувствующее, мыслящее, свободное существо».

О. Бальзак:

«Ревность у мужчины складывается из эгоизма, доведенного до чертиков, из самолюбия, захваченного врасплох, и раздраженного ложного тщеславия».

Как видим, все приведенные оценки ревности не только косвенно подтверждают крылатое выражение Ф. Ларошфуко, вынесенное в эпиграф статьи, но и указывают на негативный, болезненный характер этого чувства/состояния.

Ревность как паранойяльное развитие у психопатической паранойяльной (параноидной по МКБ-10) и застревающей-эпилептоидной личности

Теперь перейдем к психологическому анализу весьма непростого произведения «Крейцера соната», в котором Л. Толстой в художественной форме выразил собственные радикальные взгляды на брак, на отношения мужчины и женщины, а также передал страдания ревности, пережитые им самим.

Будем фрагмент за фрагментом вчитываться в рассказ ревнивца В. Позднышева и приведем наиболее принципиальные мысли персонажа/автора, подчеркнув при этом явные сверхценные нарушения мышления, выражающиеся в алогичности, оторванности от обычаев и культуры среды, в которой и сам герой/писатель вырос. Эти особенности мышления и поведения отличаются такой категоричностью, бестактностью, эгоизмом, упрямым нежеланием понять (и, наконец, простить) любимую женщину, что в конечном итоге становятся просто нелепыми.

«Я во все время моей женатой жизни никогда не переставал испытывать терзания ревности. Но были периоды, когда я особенно резко страдал этим. И один из таких периодов был тот, когда после первого ребенка доктора запретили ей кормить. Я особенно ревновал в это время, во-первых, потому, что жена испытывала то свойственное матери беспокойство, которое должно вызывать беспричинное нарушение правильного хода жизни; во-вторых, потому, что, увидав, как она легко отбросила нравственную обязанность матери, я справедливо, хотя и бессознательно, заключил, что ей так же легко будет отбросить и супружескую, тем более что она была совершенно здорова и, несмотря на запрещение милых докторов, кормила следующих детей сама и выкормила прекрасно» [6].

Муки болезненной ревности вызывали у В. Позднышева эмоциональное напряжение. «Отношения становились все враждебнее и

враждебнее. И, наконец, дошли до того, что уже не разногласие производило враждебность, но враждебность производила разногласие: что бы она ни сказала, я уж вперед был не согласен, и точно так же и она. На четвертый год с обеих сторон решено было как-то само собой, что понять друг друга, согласиться друг с другом мы не можем. Мы перестали уже пытаться договориться до конца. О самых простых вещах, в особенности о детях, мы оставались неизменно каждый при своем мнении» [6].

Далее в форме злой иронии, характерной для паранойяльного ревнивца, идут философские и религиозные рассуждения, связанные с обсуждаемой сверхценной идеей ревности. Говорится о нежелании (или о невозможности) понять и согласиться с тем, что общественные отношения, в т. ч. отношения мужчина–женщина, развиваются по своим законам, которые необходимо изучать и адаптироваться к ним, а не категорически/догматически отвергать или навязывать другим. «Царь природы, человек. Ведь вы заметьте, животные сходятся только тогда, когда могут производить потомство, а поганый царь природы – всегда, только бы приятно. И мало того, возводит это обезьянье занятие в перл создания, в любовь. И во имя этой любви, то есть пакости, губит – что же? – половину рода человеческого. Из всех женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и благу, он во имя своего удовольствия делает не помощниц, но врагов. Посмотрите, кто тормозит повсюду движение человечества вперед? Женщины» [6]. (Мысли Л. Толстого, выраженные героем «Крейцеровой сонаты»).

«И образование женщины будет всегда соответствовать взгляду на нее мужчины. Ведь все мы знаем, как мужчина смотрит на женщину: “Wein, Weiber und Gesang” – вино, женщины и песни (нем.). И так в стихах поэты говорят. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть орудие наслаждения; она такова на Трубе, и на Грачевке, и на придворном бале. И заметьте хитрость дьявола: ну, наслаждение, удовольствие, так бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения)». Персонаж/автор, движимый

сверхценными нарушениями мышления, уверяет читателя, что весь мир идет не в ногу, и только он – в ногу, что только так и надо жить, и никак иначе.

«Идеал всякой девушки, какое бы ни было ее образование, будет все-таки тот, чтобы привлечь к себе как можно больше мужчин, как можно больше самцов (та же злая и безтактная ирония. – Авт.) с тем, чтобы иметь возможность выбора» <...> «Женщина счастлива и достигает всего, чего она может желать, когда она обворожит мужчину. И потому главная задача женщины – уметь обвороживать его. Так это было и будет». <...> «Наряды, чтения, зрелища, музыка, танцы, сладкая пища, вся обстановка жизни, от картинок на коробках до романов и повестей и поэм, еще более разжигают эту чувственность, и вследствие этого самые ужасные половые пороки и болезни делаются обычными условиями выращивания детей обоюбого пола и часто остаются и в зрелом возрасте» [6].

Далее, по мере развития и расцвета молодой женщины, жены ревнивца, его чувства к ней, вопреки логике гармоничной семейной жизни, не расцветают, а усиливают его страдания ревности.

«Она была во всей силе тридцатилетней не рожавшей, раскормленной и раздраженной женщины. Вид ее наводил беспокойство. Когда она проходила между мужчинами, она притягивала к себе их взгляды. Она была как застоявшаяся, раскормленная запряженная лошадь, с которой сняли узду» <...> «Но любовь с огаженным и ревностью, и всякой злостью мужем была уже не та» <...> «Она опять с увлечением взялась за фортепиано, которое прежде было совершенно брошено. С этого все и началось» <...> «Ссоры между нами становились в последнее время чем-то страшным и были особенно поразительны, сменяясь тоже напряженной животной страстью» <...> «Я ведь, прежде чем кончить, как я кончил, был несколько раз на краю самоубийства, а она тоже отравлялась». <...> «Тысячи разных планов о том, как отомстить ей и избавиться от нее и как поправить все это и сделать так, как будто бы ничего не было, приходят мне в голову». <...> «Главное чувство, как и всегда, во всякой злости, было – жалость к себе» [6].

В повести много внимания уделено обвинению светского общества в создании и культивировании условий для растления мужчин и женщин, для их безнравственного поведения, и это, по мнению В. Поздны-

шева / Л. Толстого, не может не порождать ревность. Рассматривая эту ситуацию с позиций клинической психологии и психиатрии, мы видим, что первичное (акцентуированная/патологическая личность) и вторичное (внешние условия) здесь меняются местами.

«Одно из самых мучительнейших отношений для ревнивцев (а ревнивцы все в нашей общественной жизни) – это известные светские условия, при которых допускается самая большая и опасная близость между мужчиной и женщиной. Надо сделаться посмешищем людей, если препятствовать близости на балах, близости докторов со своей пациенткой, близости при занятиях искусством, живописью, а главное – музыкой. Люди занимаются вдвоем самым благородным искусством, музыкой; для этого нужна известная близость, и близость эта не имеет ничего предосудительного, и только глупый, ревнивый муж может видеть тут что-либо нежелательное. А между тем все знают, что именно посредством этих самых занятий, в особенности музыкой, и происходит большая доля прелюбодеяний в нашем обществе» [6]. (Авт.). И никак иначе, по мнению ревнивца В. Позднышева, обнаруживающего признаки нарушения мышления – по меньшей мере, сверхценную идею ревности.

Более того, его философские и религиозные рассуждения о взаимоотношении между мужчинами и женщинами, о любви, браке и семье указывают на паранойяльное развитие личности (по МКБ-10 – параноидное расстройство личности) или даже более четко – на паранойяльный бред ревности. У нас имеются веские основания предполагать, что Л. Толстой по завершении повести консультировался с психиатрами о возможности проведения своему персонажу судебно-психиатрической экспертизы и о ее результатах. То, что в повести В. Позднышев решением судебно-психиатрической экспертизы был освобожден от придания суду, а также был изолирован от своих детей, доказывает правильность нашего предположения, т. к. паранойяльный сюжет событий и рассуждений, закрученных так, что в них хочется верить (очевидно, в них верил и сам автор), способен был распутать только опытный психиатр – и великий писатель доверился ему.

Венчает повесть страшный конец, один из трагических исходов патологической ревности. Л. Толстой (словами В. Позднышева)

передал чувства своего героя поразительно ярко и правдоподобно в деталях, будто подсмотрел, но нет – он все прочувствовал и пережил сам, и в этом убеждает описание сцены ревности, сделанное Д. Маковицким со слов жены писателя!

«От того ли, что, сев в вагон, я живо представил себя уже приехавшим, или оттого, что железная дорога так возбуждающе действует на людей, но только, с тех пор как я сел в вагон, я уже не мог владеть своим воображением, и оно не переставая с необычайной яркостью начало рисовать мне разжигающие мою ревность картины, одну за другой и одну циничнее другой, и все о том же, о том, что происходило там, без меня, как она изменяла мне. Я сгорал от негодования, злости и какого-то особенного чувства упоения своим унижением, созерцая эти картины, и не мог оторваться от них; не мог не смотреть на них, не мог стереть их, не мог не вызывать их. Мало того, чем более я созерцал эти воображаемые картины, тем более я верил в их действительность. Яркость, с которой представлялись мне эти картины, как будто служила доказательством тому, что то, что я воображал, было действительностью. Какой-то дьявол, точно против моей воли, придумывал и подсказывал мне самые ужасные соображения» <...> «Я – честный человек, я – сын своих родителей, я – всю жизнь мечтавший о счастье семейной жизни, я – мужчина, никогда не изменявший ей. И вот! пять человек детей, и она обнимает музыканта, оттого что у него красные губы! Нет, это не человек! Это сука, это мерзкая сука!» <...> «Я вступил в то состояние зверя или человека под влиянием физического возбуждения во время опасности, когда человек действует точно, неторопливо, но, не теряя ни минуты, и все только с одной определенной целью». <...> «Несмотря на страшное бешенство, в котором я находился, я помнил все время, какое впечатление я произвожу на других, и даже это впечатление отчасти руководило мною. Я повернулся к ней. Она упала на кушетку и, схватившись рукой за расшибленные мною глаза, смотрела на меня. В лице ее были страх и ненависть ко мне, к врагу, как у крысы, когда поднимают мышеловку, в которую она попала. Я, по крайней мере, ничего не видел в ней, кроме этого страха и ненависти ко мне. Это был тот самый страх и ненависть ко мне, которые должны были вызвать любовь к другому» [6].

Как и бывает в действительности в состоянии аффекта, лавина злобы и агрессии у ревнивца захлестывает его, требует выхода; такой человек неудержим в стремлении к развязке – и он разрешает ситуацию с помощью орудия убийства, в данном случае – кинжала. «Я бы и еще помедлил, но эти последние слова ее, – «ничего не было» – по которым я заключил обратное, то есть, что все было, вызывали ответ. И ответ должен был быть соответствен тому настроению, в которое я привел себя, которое все шло crescendo, нарастая (итал.), и должно было продолжать так же возвышаться. У бешенства есть тоже свои законы». <...> «Я все помнил и ни на секунду не переставал помнить. (Это убедительно указывает на то, что аффект был физиологическим. Тогда почему же на психиатрической экспертизе В. Позднышев был признан невменяемым и освобожден от суда? Очевидно, потому, что психиатры расценили его поведение как паранойяльный бред у психопатической личности. В настоящее время, когда четко разработаны критерии вменяемости–невменяемости и ограниченной вменяемости, в подобном случае ревнивец, скорее всего, был бы признан ограниченно вменяемым, но не исключен и диагноз, как было отмечено выше, «паранойяльный бред ревности у психопатической личности». – Авт.) Чем сильнее я разводил сам в себе пары своего бешенства, тем ярче разгорался во мне свет сознания, при котором я не мог не видеть всего того, что я делал. Всякую секунду я знал, что я делаю. Не могу сказать, чтобы я знал вперед, что я буду делать, но в ту секунду, как я делал, даже, кажется, несколько вперед, я знал, что я делаю, как будто для того, чтоб возможно было раскаяться, чтоб я мог себе сказать, что я мог остановиться. Я знал, что я ударяю ниже ребер и что кинжал войдет. В ту минуту, как я делал это, я знал, что я делаю нечто ужасное, такое, какого я никогда не делал и которое будет иметь ужасные последствия. Но сознание это мелькнуло как молния, и за сознанием тотчас же следовал поступок. И поступок сознавался с необычайной яркостью» [6].

Если в характере В. Позднышева ведущими чертами, как мы установили при анализе его личности, были болезненная подозрительность/ревность, недоверчивость, эгоцентризм, стремление в отношениях женщина–мужчина свести к минимуму чувственный и физиологический компонент любви при доминировании духовного и общечелове-

ческого, особенно со стороны женщины (а это противоречит самой природе, благодаря которой женщина сильна чувством, лучше понимает и чувствует детей и мужа, а они ее, что способствует гармонии отношений в семье, особенно при рациональном и уравновешенном муже), то в характере Отелло преобладают эмоциональность, импульсивность и чувственность. Отелло, в противоположность В. Позднышеву, доверчив и легко поддается обманам и интригам.

Ревность как паранойяльная реакция у импульсивно-эпилептоидной личности

Переходим к анализу драмы У. Шекспира «Отелло», проведенному К. Леонгардом [1] и дополненному нашими комментариями, оценками и суждениями.

«Человек, – согласно К. Леонгарду, – в котором столь ярко представлено паранойяльное начало, как в Отелло, должен уже от природы быть чувствительным и подозрительным. Но лишь после того, как Отелло убил Дездемону, из самых последних слов его в трагедии мы узнаем, что он “любил без меры и благоразумья, был не легко ревнив, но в буре чувств впал в бешенство”. Такие слова наводят даже на мысль о том, что перед нами скорее возбудимая (эпилептоидная), чем застревающая личность» [1].

Последняя трактовка личности Отелло К. Леонгардом представляется нам единственно правильной, и мы уверены, что трансформация имени Отелло в нарицательное для обозначения ревнивцев произошла благодаря гипертрофированным представлениям мавра о ревности вообще, многократно усиленная подчеркнута демонстративной игрой актеров на сценах мира (тем более, что высокоэмоциональные проявления ревности, возмущения и гнева можно изобразить и без утонченной актерской игры, а примитивно прямолинейно), а не благодаря сложностям выражения черт характера этого персонажа, написанного У. Шекспиром.

Отелло – полководец, он быстр и импульсивен в решениях и поступках. Если у него и имеются какие-то незначительные черты характера застревающих личностей, то они мало заметны и не оказывают существенного влияния на его поступки. Как истинный эпилептоид, он страстен и неудержим. Следует, однако, заметить, что эпилептоидные личности – а Отелло, по нашему мнению, типичный эпилептоид – предрасположены к паранойяльным реакциям и развитию

под влиянием ситуативных внешних обстоятельств. Все реагирование Отелло на интриги Яго типично для высокоэмоционального (а потому и легковерного) эпилептоида. Всегда и во всем подозрительного параноика/застревающего не так-то просто обмануть, увлечь, т. к. он интригана первого же и заподозрит. Такова, по нашему мнению, клиническая реальность.

К. Леонгард обращает внимание на то, что «Шекспир дал не только в художественном, но и в психологическом аспекте блестящий анализ трагических событий. Рафинированной игрой Яго удается подвести Отелло к неустойчивому, шаткому состоянию, к постоянным колебаниям между надеждой и страхом, которые столь опасны при паранойальном развитии, и не только подвести, но и все время поддерживать его в этом (неустойчивом) состоянии. Сначала Яго только делает намеки, отказывается сказать больше и тем самым вызывает напряжение. Когда Отелло все ближе к тому, чтобы вспылать бешеной ревностью, высказывания Яго могут уже сделаться более определенными, так как он не боится больше встретить резкий отпор. Тонко сообразуя свою тактику с состоянием Отелло, который постепенно созревает для веры в любую ложь, Яго начинает раздувать свои коварные обвинения. А когда Отелло уже окончательно сражен ревностью, то клеветник может пустить в ход тяжелые орудия, т. е. расписать Отелло в подробностях картину интимного сближения Дездемоны и Кассио» [1].

Отметим, что не только в драме У. Шекспира, а сплошь и рядом в повседневной жизни «мастера и мастерицы сплетен и интриг» своим искусством распускать слухи, наговаривать способны довести доклиническое проявление т. н. нормальной ревности до патологической формы ее развития, с чем нередко приходится сталкиваться на практике клиническим психологам.

А первый разговор Яго с Отелло начинается так: «Яго: Скажите, генерал, знал Кассио о вашем увлеченье / До вашей свадьбы? / Отелло: Знал. Конечно, знал. / А что такое? Яго: Так. Соображенья. / Хочу сличить их, вот и все. / Отелло: Во имя неба, говори ясней! / Яго: Хотя б вы сердце мне руками сжали, / Не буду, не могу и не хочу. / Отелло: Так вот как! / Яго: Ревности остерегайтесь, / Зеленоглазой ведьмы, генерал, / Которая смеется над добычей. / Яго: А главное, не надо углубляться / В вопросы эти дальше, генерал. /

Все предоставьте времени. Взысканья / Я с Кассио пока бы не снимал. / Он превосходный офицер, конечно, / Но я его держал бы в стороне, / Чтоб наблюдать за ним на расстоянии. / Следите, как проявит госпожа / Свое участие в судьбах лейтенанта. / А в заключенье должен повторить: / Я по натуре склонен к ложным страхам. / Наверно, я хватаю через край. / Не думайте о Дездемоне плохо».

Когда ревность Отелло достигает апогея из-за клеветы и козней предателя Яго, происходит такой диалог: «Отелло: Он вслух о ней болтал? / Яго: Болтал. / Отелло: Что? Что? / Яго: То, от чего всегда он отречется. / Отелло: Но все-таки. / Яго: Он говорил... / Отелло: И так? / Яго: Что он лежал... / Отелло: С кем? С ней? / Яго: Да... Нет. Увольте» [1].

«Вероятно, во всей художественной литературе, – пишет К. Леонгард, – не найдется другого произведения, где с таким мастерством было бы описано течение паранойального развития, как у Шекспира в трагедии “Отелло”. Яго удается держать Отелло все время в неуверенности, “дозировать” клевету таким образом, что Отелло постоянно колеблется между жестоким подозрением и доверием к Дездемоне» [1].

Считаем весьма необходимым дополнить и уточнить, что у Отелло в драме У. Шекспира наблюдалась паранойальная реакция ревности, а не развитие, как пишет К. Леонгард; до него (паранойального развития) не дошло, и весь трагизм произошедшего обусловлен именно импульсивностью эпилептоидной личности.

Также необходимо заметить, что амбивалентность не свойственна параноикам [5] вообще, напротив, ими движет абсолютная уверенность, даже самоуверенность. Импульсивно же эпилептоидный Отелло, страстно любящей Дездемону, ошеломлен, сражен интригами Яго, который умело манипулирует эмоционально возбудимым и внушаемым мавром.

«Если бы Яго начал сразу с грубой клеветы, Отелло тут же с возмущением отверг бы наговоры, он ничему не поверил бы. Но Яго шаг за шагом провоцирует все более глубокие аффекты Отелло, пока, наконец, тот не начинает принимать за чистую монету самую вульгарную ложь, что наблюдается у бредовых больных. Между тем, пока дело не дошло до данной стадии, Отелло терзают неопишуемые мучения, и вызваны они не чем иным, как перманентной неуверенностью (У параноика? – Авт.). Отелло: Как! Изменить

мне! / Яго: Довольно, генерал. / Оставьте эти мысли. / Отелло: Сгинь! Исчезни! / Ты жизнь мою в застенки обратил. / Пускай меня и больше б обманули, / Да я б не знал» <...> Вполне возможно, – уточняет далее К. Леонгард, – что в личности Отелло не столь уж ярко представлены паранойяльные черты сами по себе: нельзя не учитывать того, с каким изощренным коварством его толкали на путь паранойяльного развития. Необходимо учитывать, что он был мавром, и его терзали сомнения и опасения, принимавшие навязчивый характер, может ли быть прочной любовь к мавру у такой тонкой нежной девушки, как Дездемона» [1].

Все реагирование Отелло на интриги Яго, по-нашему мнению, типично для импульсивно эмоционального, а потому и легковерного, эпилептоида. Столь же типичен и финал: страстно любя Дездемону, в аффекте он убивает ее, а затем и себя. У застревающих/паранойяльных личностей так не бывает. Всегда и во всем подозрительного параноика/застревающего не так-то просто обмануть и увлечь, т. к. он интригана первого же и заподозрит. Злоба к мнимой изменщице еще долго (если не всегда) будет жить в его душе и служить оправданием содеянного.

Такова клиническая реальность.

Выводы

Начавшись эпиграфом Ф. Ларошфуко, статья дополняется метким замечанием классика психологии и психиатрии К. Леонгарда о том, что «великие писатели одновременно являются и великими психологами», что сразу дает основания для практического проведения научных исследований темы ревности в их произведениях. То, что великие писатели (одаренные

сверхчувствительностью) не придумывают свои истории, а воссоздают реальные события, чувства, эмоции, пережитые ими самими, дает представление о ревности даже более четкое и правдивое, чем описания в историях болезни, амбулаторных картах и листах наблюдений и потому позволяет проводить клиничко-психологический анализ, подобный тому, который делается на конференциях и разборах сложных случаев в диагностическом и терапевтическом отношении в отделениях/клиниках пограничных состояний или психологических центрах и консультациях.

Представленное в настоящей статье исследование некоторых философских трудов и художественных произведений позволяет сделать следующие выводы:

1. Философы/мыслители, всесторонне и глубоко анализируя душевную сферу жизни человека (включая ее психологические и психопатологические проявления, часто трудно различимые), находящуюся в диалектическом взаимодействии с соматическими функциями, в своих трудах указывают на то, что весь конгломерат человеческих отношений должен быть изучен на всех возможных уровнях; применительно к ревности это значит, что необходимо изучать не только ее психопатологию, но и психологические факторы для ее проявлений.

2. Сверхценные/паранойяльные реакции ревности в остром состоянии присущи импульсивным/эпилептоидным личностям.

3. Паранойяльное развитие и паранойяльный бред ревности формируются преимущественно у патологических личностей паранойяльного (параноидного по МКБ-10) и застревающее-эпилептоидного типов.

Литература

1. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – К., 1981. – 392 с.
2. Маковицкий Д. П. У Толстого: Яснополянские записки / Д. П. Маковицкий. – Т. 1. – М.: Наука, 1979. – 544 с.
3. Толстой С. Л. Очерки о былом / С. Л. Толстой. – Тула, 1966. – 512 с.

4. Бердяев Н. А. Размышление об эроте / Н. А. Бердяев // Самопознание: опыт философской автобиографии. – М.: Мысль, 1990. – 220 с. – С. 65–72.
5. Ганнушкин П. Б. Избранные труды / П. Б. Ганнушкин. – М.: Медицина, 1964. – 292 с.
6. Толстой Л. Н. Крейцеров соната : Повести. – СПб.: Азбука-классика, 2007. – 352 с.

References

1. Leongard K. Aktsentuirovannye lichnosti [Accentuated persons]. Kiev, 1981, 392 p. (In Russ.)
2. Makovitskiy D. P. U Tolstogo. Yasnopolyanskiye zapiski [Tolstoy. Yasnaya Polyana notes]. Moscow, Science Publ., 1979, vol. 1, 544 p. (In Russ.)
3. Tolstoy S. L. Ocherki o bylom [Essays about the past]. Tula, 1966, 512 p. (In Russ.)
4. Berdyaev N. A. Razmyshlenie ob erose [Thinking about eros]. Samopoznanie: opyt filosofskoy avtobi-

- ogrfii [Self-knowledge: the experience of a philosophical autobiography]. Moscow, Thought Publ., 1990, 220 p., pp. 65-72. (In Russ.)
5. Gannushkin P. B. Izbrannyye trudy [Selected Works]. Moscow, Medicine Publ., 1964, 292 p. (In Russ.)
6. Tolstoy L. N. Kreytserova sonata : (povesti) [The Kreutzer Sonata (The Tale)]. St. Petersburg, Classical ABC Publ., 2007. 352 p. (In Russ.)